

Скептицизм и тождество. К феноменологии нейтрализации смысла

Виктор И. Молчанов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, victor.molchanov@gmail.com*

Аннотация. В статье обсуждается феноменологический метод Гуссерля в аспекте двойственного отношения к скептицизму – явной критики и неявного сближения с позицией скепсиса. Основной тезис статьи состоит в том, что скептицизм как преодоление сомнений и нейтрализация позитивного и негативного является основным методологическим ориентиром Гуссерля, а термин «эпохе» – обозначением позиции, которая объединяет теоретико-познавательный принцип равнозначности данностей по отношению к существованию или несуществованию предмета с попыткой представить отказ от вовлеченности в любой вид конкретного опыта как особый опыт.

Проводится различие между философским и общераспространенным пониманием скептицизма. Выявляется общая предпосылка скепсиса: полагать тождество в качестве опыта, а не искусственной процедуры. Анализируется способ введения и статус основных терминов Гуссерля – «значение» и «смысл» в контексте проекта «чистой логики». Показано, что источником терминов «интенция значения» и «осуществление значения» является сфера эмоций и чувств. Констатируется противоположность позиций Brentano и Гуссерля в вопросе аналогии между суждениями и сферой душевной жизни. Рассматривается гуссерлевская оценка роли субъективизма и скептицизма в преодолении естественной установки. Вопреки Гуссерлю, сближавшему вплоть до отождествления субъективизм и скептицизм, проводится существенное различие между ними. Подвергается критике обоснование различия значения и предмета с помощью допущения самоотждественности предмета с разными значениями. В этой связи подвергнуты критическому анализу известные гуссерлевские примеры с Наполеоном, трюфельниками и лошадьми, которые должны были служить подтверждением обоснованности указанного различия. Выделяются два ключевые момента феноменологического скептицизма: нейтральность значения, или смысла, по отношению к реальности предмета и нейтральность предмета по отношению к существованию или несуществованию.

Ключевые слова: скептицизм, субъективизм, феноменология, смысл, значение, тождество, нейтрализация, время, эпохе, Гуссерль

Для цитирования: Молчанов В.И. Скептицизм и тождество. К феноменологии нейтрализации смысла // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 10–26. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-10-26

Skepticism and Identity. Toward a phenomenology of a neutral meaning

Viktor I. Molchanov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia victor.molchanov@gmail.com*

Abstract. The article discusses Husserl's phenomenological method in the aspect of the ambivalent attitude to skepticism: explicit criticism and implicit convergence with the position of skepticism.

The main thesis of the article is that skepticism as overcoming doubts and neutralizing the positive and negative is Husserl's main methodological guideline, and the term "epoch" is a designation of a position that combines the theoretical-cognitive principle of the equivalence of givenness in relation to the existence or non-existence of an object with an attempt to present the refusal to engage in any kind of concrete experience as a distinctive experience. At the same time, a distinction is made between the philosophical and the common understanding of skepticism. The author reveals the general presupposition of skepticism: to assume identity as an experience rather than an artificial procedure.

He also analyzes the method of introduction and the status of Husserl's basic terms "meaning" and "sense" in the context of the "pure logic" project. It is shown that the source of the terms "meaning intention" and "fulfilment of meaning" is the sphere of emotions and feelings. Brentano's and Husserl's opposing positions concerning the analogy between judgments and emotions are stated. A consideration is given to Husserl's assessment of the role of subjectivism and skepticism in overcoming the natural attitude. Contrary to Husserl, who brought together subjectivism and skepticism to the point of identification, an essential difference is made between them. The article criticizes the way of Husserl's differentiation between the meaning and the object with the help of the assumption of the self-identity of the object with different meanings. In this regard, the well-known Husserl's examples with Napoleon, the triangle, and the horses which should have served as confirmation of the validity of this difference, are subjected to critical analysis. Two key points of phenomenological skepticism are highlighted: the neutrality of meaning, or sense, in relation to the reality of the object, and the neutrality of the object in relation to its existence or non-existence.

Keywords: skepticism, subjectivism, phenomenology, meaning, sense, identity, neutralization, time, epoch, Husserl

For citation: Molchanov, V.I. (2022), "Skepticism and Identity. Toward a phenomenology of neutral meaning", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 10-26, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-10-26

...недостаточность прежней науки.
Историческим показателем такого
положения дел является, так ска-
зать, бессмертие скептицизма.

Э. Гуссерль

Любая философия терпит крах,
это относится к ее понятию.

М. Хайдеггер

Я вдруг почувствовал, что мне все
равно было бы, существовал ли бы
мир или если б нигде ничего не
было.

Ф.М. Достоевский

Введение

Абсолютный скептицизм как абсолютный баланс между позитивным и негативным как в сфере суждений, так и в сфере эмоций есть нечто сверхчеловеческое; его невозможно реализовать в опыте, поскольку опыт предполагает не равновесие между ними, а различие. Однако нереализуемое в опыте может реализоваться в «метачеловеческой» методологии – в качестве принципа феноменологической редукции, или эпохе¹. Этот метод, который сначала объявляется теоретико-познавательным принципом, должен привести к безразличию в отношении реальности предметов, каковое должно служить обоснованием несводимости сознания (как в его элементах – переживаниях, так и в его смыслообразующей функции) к предметности в самом широком смысле. Здесь неявно, а у Гуссерля, возможно, вполне осознанно, возникает идеал античного мудреца, идеал атараксии, невозмутимости и безразличия к благам мира. Гуссерль выбирает в качестве основного другой термин античного скептицизма – «эпохе» («воздержание от суждений»), и этот выбор был обусловлен, видимо, тем, что, во-первых, в литературном плане слово «эпохе» получило значительно меньшее распространение, чем «атараксия», а во-вторых, «эпохе» указывает скорее на отказ от суждений, чем отказ от эмоций. Тем не менее Гуссерль придает эпохе эмоциональные и моральные характеристики:

¹ В ряде статей я рассмотрел внутреннюю историю термина «эпохе» в работах Гуссерля; наиболее подробно см. [Молчанов 2022]. В зарубежной литературе «эпохе» рассматривается в основном как принцип и метод. См., например, [Kern 1962]. В последние годы в отечественной литературе появился ряд статей, в которых эпохе сопоставляется с различными видами опыта: [Белоусов 2019; Савин 2013; Чернавин 2020; Ямпольская 2017].

осуществление эпохе требует мужества и честности. Не является ли при этом скептицизм в определенном его понимании основным ориентиром гуссерлевской феноменологии? Только ли термин заимствует Гуссерль у античных скептиков? Какова основная предпосылка такой методологии и скептицизма в любом его понимании? Насколько скептицизм соотносится с понятием тождества – одним из основных понятий гуссерлевской феноменологии и классического немецкого идеализма? Не приводит ли феноменологическая методология в поисках чистой логики и строгой науки к нейтрализации смысла и предмета относительно его существования или несуществования, т. е. к феноменологическому скептицизму? Не приравнивается ли тем самым нейтральность позиции к объективности?

Вопрос о переосмыслении эпохи и об оторванности науки от жизненного мира в «Кризисе европейских наук» не рассматривается в данной статье, но служит фоном данного исследования, как и более общий вопрос о своего рода «тождестве противоположностей»: с одной стороны, абсолютной научной философии, как и науки вообще, в качестве высшего достижения человеческого разума, с другой – абсолютного скепсиса и утраты интереса к объективности в жизненном мире.

Скептицизм и субъективизм

«Смысл» подобен «времени»: оба слова, иногда претендующие на статус терминов, обозначают нечто, с одной стороны, относительное и функциональное и в то же время всеобъемлющее и объективное, и в конечном итоге – нечто франкенштейнообразное: такого рода абстракции, претендующие на статус всеобщих и объективных характеристик, если и не уничтожают абстрагирующих, то сводят к минимуму их самостоятельное существование. С другой стороны, смысл и время полагают абсолютными и в то же время исчезающими, потерянными, «чисто субъективными», вновь обретенными для последующей потери. «Смысл» и «время» поддерживают друг друга: смысл всегда предполагает ожидание и продолжение, а ожидание и непрерывность – последнее прибежище времени, отказывающегося от редукции к пространству. Так можно было бы определить «объективную» и «субъективную» границы феноменологии Гуссерля, если, конечно, не проводить различия между терминами и словами естественного языка.

В феноменологии Гуссерля термины «значение» и «смысл», которые, в отличие от Фреге, он предлагает считать синонимами, а также «имманентное время», которое он отождествляет с глубинными слоями сознания, играют особую, конститутивную для самой феноменологии роль. Исходной проблемой становится для Гуссерля специфика теоретического знания, его независимость от психических процессов и грамматических структур. Теории состоят из значений, а связи зна-

чений радикально отличаются от связей вещей и психических связей познающего субъекта. Различие этих трех видов связей составляет исходный пункт и ядро гуссерлевской программы исследования теоретического мышления. Вопрос в том, можно ли экстраполировать это двойное различие, а лучше сказать – разделение, на нетеоретическое сознание? Выделение значений как идеальных единств и в качестве класса общих предметов лишают их признака реальности в отношении предметности, значениями которой они являются. Иными словами, значению как таковому безразлично, существует предмет или нет. В свою очередь, существование актов сознания, а их действительное, а не феноменальное существование – важнейший момент феноменологии, Гуссерль пытается доказать уже в «Логических исследованиях» через безразличие к существованию предмета.

«Смысл» относят не только к словам и их употреблению (и даже к именам), утверждениям, текстам и контекстам, но и к ситуациям, событиям настоящего и прошлого и даже к (человеческой) жизни в целом, хотя в *последнее время* словосочетание «смысл жизни» встречается все реже; видимо, или время, приравнивая к себе смысл, поглощает это свое подобие, или бытие отказывает себе в смысле и темпоральном модусе. Герменевтику уже не интересует, что хотел сказать автор текста, смерть которого засвидетельствовали современные сейсмографы культуры, но то, что говорит сам текст или сама фактичность жизни.

Что же говорит нам текст, в частности текст Гуссерля, о смысле, и присущ ли смысл самому тексту (контексту) и самой реальности? Не является ли смысл, как и время, своего рода метафорой, фигуральным выражением чего-то иного? Если время выражает совпадение и или несовпадение пространств и движений, то что выражает смысл? И является ли смысл, как и время, выражением? Каким образом вообще появляется «смысл»? Что может выражать смысл, кроме смысла? И что означает выражение – *Aus-druck*, *ex-pression*, в буквальном смысле – «выдавливание» (русское слово не передает этого оттенка смысла, разве что в выражении «выдавить из себя»)?

По Гуссерлю, источник смысла, или значения языкового выражения, – акты сознания, какие именно, нужно уточнить, но именно в актах сознания «таится смысл», вернее то, что станет смыслом при осуществлении, и тогда любая языковая фигура – это выражение чего-то неязыкового, получившего у Гуссерля имя одинокой душевной жизни. Сознание как смыслопридание создает свой мир из одиночества, из «ничего другого». Что это – неясная теологическая предпосылка или субъективизм, пусть даже впоследствии названный трансцендентальным?

Если в «Логических исследованиях» (в I томе, 1900 г.) наряду с психологизмом Гуссерль подвергает критике скептицизм и релятивизм, то в «Идеях I» (1913) именно термин скептицизма – «эпохе» – становится одним из основных обозначений феноменологического

метода. Таким образом, Гуссерль пытается преодолеть скептицизм и в то же время заимствует термин у античных скептиков. Такой выбор термина кажется странным на фоне упомянутой критической направленности, хотя в «Идеях I» речь о скептицизме идет не только в отрицательном ключе. Гуссерль упрекает естествознание в целом (не больше и не меньше) в том, что его величие было достигнуто потому, что оно, «недолго думая, отодвинуло в сторону буйно разросшийся античный скептицизм и отказалось от его преодоления»². Это смелая историческая фраза уравнивает античную натурфилософию и современное естествознание, а также выражает сожаление, что с самого начала для развития естествознания не был найден незыблемый фундамент: «Скептицизм остается выведенным из игры... только относительно эмпирической сферы, но не относительно сущностной сферы»³. Иначе говоря, скептицизм преодолевается в естествознании не на принципиальном уровне оснований, но лишь на эмпирическом уровне допущения реальности познаваемой предметности.

Через десять лет, в лекциях 1923/24 гг., озаглавленных «Первая философия», Гуссерль говорит о скептицизме еще более позитивно:

Даже за самыми древними скептическими аргументами, аргументами древних софистов, скрывалось содержание истины, которым философия никогда не могла овладеть. Уже в этих древнейших софизмах в высшей степени значимые философские мотивы стучались в дверь, но она им не открылась⁴.

Подчеркивая силу этой позиции, он говорит о бессмертии скептицизма и формулирует свои упреки в адрес науки и философии здесь более точно, чем в «Идеях I»:

Во всяком случае, эта продолжающаяся роскошная жизнь скепсиса, который в своей аргументации не щадит ни одну из отдельных наук, даже самую точную математику, свидетельствует о том, что послеплатоновская наука в действительности не достигла того, чего она должна была достичь как философия в соответствии со своей претензией – познания из абсолютного обоснования⁵.

Гуссерль сравнивает скептицизм с гидрой, у которой «вырастают все новые головы и даже срубленные вырастают снова»⁶.

² *Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Husserliana Bd. III/1. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. S. 53.*

³ *Ibid. S. 53–54.*

⁴ *Husserl E. Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil. Husserliana Bd. VII. Haag: Martinus Nijhoff, 1956. S. 58.*

⁵ *Ibid. S. 57.*

⁶ *Ibid.*

«Бессмертие» скепсиса, его буйный рост и т. п. – характеристики энергичные, но вряд ли адекватные, если речь идет о скепсисе в узком и историческом смысле. Скепсис – довольно редкое явление и довольно трудная, если вообще возможная позиция, если конечно, придерживаться ее не время от времени и не по поводу того или иного предмета. Гуссерль говорит о скепсисе и о необходимости его преодоления на уровне оснований. Но о скепсисе ли он говорит? Не становится ли скептицизм в точном понимании этого термина неявным методологическим ориентиром самого Гуссерля, начиная с введения «эпохе»? Все же термин «эпохе» не является случайным, он отсылает к действительному, а не мнимому скептицизму, не к отрицанию объективных оснований, как это имеет место в субъективизме, но к безразличию к ним. Как это сочетается с гуссерлевским стремлением обрести абсолютное обоснование философских и научных исследований?

О чем же идет речь у Гуссерля, когда идет речь о скептицизме? Ответ на этот вопрос не вызывает затруднений: по Гуссерлю, «сущность любого скептицизма – это субъективизм»⁷. К субъективистам и, соответственно, скептикам Гуссерль причисляет «великих софистов» Протагора и Горгия, анализируя их основные тезисы. Последуем кратко за Гуссерлем, чтобы убедиться, действительно ли здесь идет речь о скептицизме. Основной тезис Протагора Гуссерль формулирует так: «Для познающего все объективное изначально налично только потому, что он его переживает (erfährt)»⁸. Отсюда ясно, что существующее само по себе не дано познающему и не может быть познано. Горгия Гуссерль считает более радикальным и более интересным мыслителем, поскольку Горгий как бы специфицировал тезис Протагора (в изложении Гуссерля): «Все предметное вообще... может быть пережито субъектом познания только в меняющихся субъективных модусах явления»⁹. Очевидно, что эта мысль (принадлежит ли она Горгию или нет – другой вопрос) особенно близка Гуссерлю, который нашел для ее выражения в рамках собственного учения термин *Abschattung*. Еще одну важную мысль находит Гуссерль у Горгия, которую, как представляется, явно недооценивают те, кто принимает реалистически-материалистическую установку: если акт представления делает представимым что-либо «внешнее», трансцендентное этому акту, то это совершается в самом этом акте. Другими словами, если кто-то утверждает, что существуют предметы сами по себе, независимо от «нашего» сознания, то само это утверждение как акт сознания и его содержание, т. е. упомянутая независимость предметов, суть элементы сознания утверждающего. Или еще иначе; сознание того, что предметы независимы от сознания – это все же сознание. Как решается этот вопрос в

⁷ Ibid. S. 58.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. S. 59.

философии Нового времени и позднее, мы здесь не рассматриваем, однако бесспорно, что это один из аргументов против догматизма. Именно это подчеркивает Гуссерль:

Впервые наивная преданность мира становится проблематичной, а отсюда и он сам [становится проблематичным] относительно принципиальной возможности его познания и принципиального смысла его в-себе-бытия (*Ansichsein*)¹⁰.

Таким образом, субъективизм расшатывает догматизм обыденной установки, но препятствует нахождению абсолютных оснований. Дилемма между объективизмом, или догматизмом, и субъективизмом разрешается Гуссерлем, как известно, углублением субъективизма – последний должен быть преодолен радикальным, трансцендентальным субъективизмом, который предполагает изменение установки не только по отношению к «внешнему» миру, но и к миру внутреннему: элиминация всего эмпирически психического должно открыть сферу чистого сознания, чистой, трансцендентальной субъективности, устанавливающей смысл любой предметности не эмпирически субъективно, но интересубъективно и объективно. Именно так должен быть преодолен субъективизм и релятивизм. Но какими средствами пользуется Гуссерль для решения такой задачи?

Если все же различать скептическую аргументацию в широком, «субъективистском» смысле и цель собственно скепсиса – достичь равновесия между утверждением и отрицанием, если угодно, между Бытием и Ничто (и этот баланс склоняет к их отождествлению – только вопрос, кто именно «их» отождествляет, не скептик ли), то можно предположить, что скептицизм уже начал свою методологическую работу в «Логических исследованиях». «Скептик» в обыденном словоупотреблении – это человек, который в чем-то или во всем сомневается, а также кому-то или чему-то не верит (или же ни во что не верит – как экстремальная позиция); скептик как философ – это тот, кто преодолел сомнения не в пользу того или иного решения или поступка, но в «пользу» индифферентности, безразличия к вере или неверию во что бы то ни было.

Вряд ли возможна такая позиция у живущего-в-мире человека, но как экстремум или как регулятивная идея такая индифферентность возможна. Вопрос в том, возможно ли преодолеть субъективизм посредством такой индифферентности, возможно ли вообще что-то преодолеть благодаря безразличию? Дистанцированность и безразличие вряд ли совпадают. В известном афоризме Ницше неявно проводится различие между субъективизмом и скептицизмом:

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. § 481. М.: REFL-book, 1994. С. 224.

«Все субъективно» говорите вы: но это уже толкование»¹¹. Преодолеть субъективизм означает преодолеть интерпретации, принять реальность такой, как она есть (идеал сверхчеловека), читать текст как он есть, не перемежая толкованиями (идеал «сверхфилолога»). Эту мысль Ницше подхватывает Хайдеггер: «Цель истинного толкования должна состоять в том, чтобы достигнуть такого момента, когда оно само себя делает излишним, и текст вступает в свои неурезанные права»¹². Субъективизм «преодолен», или по крайней мере отодвинут в сторону, но не занимает ли его место скепсис – «по ту сторону добра и зла»?

Тождество и нейтрализация смысла

Две исходные идеи II тома «Логических исследований» – беспредпосылочность феноменологических исследований и различие-сочетание интенции значения и осуществления значения как основная характеристика внутреннего движения, телеологии сознания. Беспредпосылочность, по Гуссерлю, не абсолютна; следует избегать только таких предпосылок, которые не могут быть реализованы феноменологически, т. е. не пережиты, не даны в опыте, не могут быть описаны. Беспредпосылочность и опыт должны реализовываться во взаимодействии, «зигзагообразно» – как определял Гуссерль взаимодействие наивного опыта и рефлексии. Таким образом, является ли исследование беспредпосылочным или нет, можно сказать только после его окончания, когда анализ выявит наличие неявных предпосылок или докажет их отсутствие. Беспредпосылочность, в том общем виде, как его представил Гуссерль, вполне согласуется с общенаучным принципом и здравым смыслом – как отказ принимать что-либо на веру без доказательств, верифицировать (или фальсифицировать) и т. д., но в качестве философского принципа – это опять-таки регулятивная идея скепсиса, абсолютного отстранения, а не «остранения», абсолютного безразличия ко всему, что в широком смысле может быть названо традицией. Такого рода беспредпосылочность Гуссерль пытается реализовать в отношении главного действующего лица чистой логики – значения. «Само по себе» значение безразлично к своему осуществлению в знаке (или рисунке), в восприятии предмета, в воображении (здесь Гуссерль опять находит предшественника в лице Горгия: воспринимаемое и воображаемое существенно не отличаются). Сопрягающиеся термины «интенция значения» и «осуществление значения» Гуссерль без всяких предисловий и пояснений вводит во введении к второму тому «Логических исследований»¹³:

¹¹ Heidegger M. Schelling: Vom Wesen der menschlichen Freiheit (1809) GA. Bd. 42. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1988. S. 233.

¹³ В §36 I тома «Логических исследований» Гуссерль впервые соотносит интенцию и ее осуществление, но не выделяет эти слова в качестве терминов.

Объекты, на исследование которых нацелена чистая логика, даны прежде всего в грамматическом одеянии. Говоря точнее, они даны, так сказать, как некоторые вложения в конкретные психические переживания, которые в функции *интенции значения или осуществления значения...* принадлежат к известным языковым *выражениям* и образуют с ними *феноменологическое единство*¹⁴.

Отметим, что в первом издании речь шла просто о значении и его осуществлении, а во втором издании к «значению» прибавилась «интенция», и так возник уже второй составной термин – *Bedeutungsintention*.

Итак, чистая логика предполагает сквозь грамматические и психологические одежды разглядеть значения, или интенции значения (в дальнейшем Гуссерль называет их сигнитивными интенциями), однако происхождение самих терминов при этом остается неясным. Только в VI Исследовании Гуссерль приоткрывает «тайну» их происхождения – в основном из области эмоций и чувств, а также из области гипотез:

В отношении дальнейшей характеристики сознания осуществления следует отметить, что речь идет при этом о характере переживаний, который обыкновенно также играет важную роль в нашей душевной жизни. Нам нужно только вспомнить о контрасте между интенцией желания и исполнением желания, интенцией воли и ее осуществлением, или об исполнении надежд, оправданности опасений, разрешении сомнений, подтверждении предположений и т. п., чтобы сразу же стало ясно, что внутри по сути различных классов интенциональных переживаний выявляется одна и та же противоположность, которая выступает для нас в особом случае (*speziell*) как противоположность между интенцией значения и осуществлением значения¹⁵.

Здесь возникает ряд вопросов. Во-первых, какова же эта «одна и та же противоположность»? Действительно ли противоположность интенции значения и осуществления значения является особым случаем этой неназванной противоположности, и можно ли вообще ее назвать? Должны ли объекты и отношения чистой логики представлять собой особый случай среди отношений надежд, волений, желаний и проч., т. е. особый случай душевной, т. е. эмоциональной жизни? Во-вторых, о каких различных классах интенциональных переживаний идет речь? Кроме двух последних все перечисленные относятся к классу феноменов душевной жизни, или эмоций и чувств. Из двух последних «разрешение сомнения» вряд ли можно отнести к структуре осуществления:

¹⁴ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. М.: Академический проект, 2011. С. 9.

¹⁵ Husserl E. Logische Untersuchungen. The Hague; Boston; Lancaster: Martinus Nijhoff, 1984. Bd. II. T. 2. Husserliana Bd. XIX (2). S. 572.

сомнение как раз исчезает при разрешении, причем для разрешения сомнения необходимо как раз решение, выбор, основание которого может и не быть непосредственно связано с колебаниями «мнений». Остается только «подтверждение предположений», которое можно было бы отнести к классу суждений – предположение высказывается в суждении, а затем подтверждается другими суждениями (других людей, текстами или суждениями на основе восприятия). Однако Гуссерль не исследует здесь структуру гипотез и их подтверждений; для него важен только переход от предположения к подтверждению, аналогичный переходу от опасений к их оправданности, или же, в позитивном модусе, от желания к его осуществлению. Все эти переходы могут быть выражены в суждениях, равно как и исполнение надежд, но ни опасения, ни надежды, ни желания – это не суждения, и основная структура суждений – противоположность истины и лжи – может быть отнесена к ним только по аналогии. Различие между Brentano и Гуссерлем здесь существенное. Brentano характеризует эмоции с помощью суждений; он проводит явную аналогию между эмоциями и суждениями, наделяя душевную жизнь противоположностью истины и лжи. Гуссерль, напротив, неявно характеризует суждения посредством аналогии с эмоциями, хотя и не в плане указанной противоположности, а в плане перехода от «замысла» к «осуществлению». То, что источник терминов «интенция значения» и «осуществление значения» – это сфера эмоций, подтверждает и термин «разочарование», который обозначает у Гуссерля противоположность осуществления: например, когда мы полагаем, что невидимая нами сторона предмета такого-то цвета, но затем оказывается, что она другого цвета, то нас должно, по Гуссерлю, постигнуть разочарование. Нельзя сказать, что Гуссерль здесь не опирается на опыт, но опять-таки этот опыт не относится к сфере суждений и объективного познания. В самом деле, можно разочароваться, увидев иной цвет сначала невидимой стороны предмета, но только тогда, когда мы желаем, и сильно желаем, видеть один цвет, а видим другой. Опять мы видим перенос из сферы душевной жизни в сферу чистой логики, а не перенос из сферы суждений в сферу душевной жизни.

В языковой парадигме, где употребление слов «значение» и «смысл» являются чем-то само собой разумеющимся, задача определить специфику значения, или смысла (если следовать Гуссерлю и полагать эти слова синонимами), парадоксальна с самого начала, ибо знак, образ, вещь, а также желания, воления, надежды и т. д. также обладают значением, и нет ничего, что не обладало бы значением в том или ином смысле (если оставаться в этой же парадигме). Вопрос о смысле смысла или о значении значения или о смысле значения или о значении смысла может здесь быть поставлен так: «смысл» и «значение» – это термины гуссерлевской философии, или же это слова, с помощью которых доктрина описывается извне? Иначе говоря, «смысл»

и «значение» – это внутренние элементы доктрины или же внешние ее характеристики?

О. Финк ставил вопрос об оперативных понятиях у Гуссерля, к которым он причислял, в частности, «феномен», «эпохе» и «конституирование», но не относил к ним «значение» и «смысл». Вопрос о различии внутренних и внешних терминов отличается от вопроса о различии тематических и «теневых» понятий уже потому, что в первом случае речь идет не о понятиях. «Понятие» может быть как внешним (тогда это слово, как правило, с достаточно неопределенным значением), так и внутренним термином. В большинстве случаев – это внешний термин, когда говорят о понятиях чего угодно и у кого угодно – пространства, сознания, времени (у Аристотеля, Канта, Гуссерля и др.) и т. д. Напротив, в «Науке логики» Гегеля «понятие» – это внутренний термин, термин, характеризующий основной элемент системы.

Поскольку цель Гуссерля состояла в выявлении сущностных основ теоретического знания, а основным элементов последнего является значение, то «значение» – это внутренний термин научной теории, но не теории познания, или феноменологии. Во всяком случае, место этого термина остается неопределенным, оно как бы между теоретическим знанием и чистой логикой, с одной стороны, и феноменологией как нейтральной наукой, одним из предметов которой является чистая логика и научная теория – с другой. Другим предметом нейтральной феноменологии является психология, и задача состояла в том, чтобы сделать оба основных элемента этих наук нейтральными по отношению к фактам психической жизни и предметности. Для конституирования непсихологической субъективности потребовалось имманентное время, а затем эпохе и редукция, пассивный синтез и интерсубъективность. Фактически этому посвящено все творчество Гуссерля после «Логических исследований». Что касается значений, то вопросы об их нейтральности по отношению к знакам, образам и любой предметности были решены уже в «Логических исследованиях».

Апофатический метод исследования предполагает проведение различий, и основное различие, которое в данном контексте проводит Гуссерль, – это различие между предметом и значением:

Необходимость различения значения (содержания) и предмета станет ясной, если мы благодаря сравнению убедимся на примерах, что различные выражения могут иметь одно и то же значение, но различные предметы, и наоборот, что они могут иметь различные значения, но один и тот же предмет. <...> Наиболее ясные примеры раздельности значения и предметной отнесенности предлагают нам имена. О предметной отнесенности здесь обычно говорят как о «назывании». Два имени могут означать различное, но называть то же самое. Так, например, *победитель при Иене – побежденный при Ватерлоо; равносторонний треугольник – равноугольный треугольник*. Выра-

женные в этих парах значения, очевидно, различны, хотя они подразумевают один и тот же предмет. Точно так же обстоит дело с именами, которые из-за своей неопределенности обладают некоторым «объемом». Выражения *равносторонний треугольник* и *равноугольный треугольник* имеют ту же самую предметную отнесенность, тот же самый объем возможного применения¹⁶.

Оба примера Гуссерля едва ли можно назвать убедительными. В первом случае мы имеем дело или с банальным утверждением, что оба указанных имени относятся к человеку с одним и тем же нареченным именем, или же со спорным утверждением, что победитель в 1805 г. и побежденный в 1815 г. (по прошествии десяти лет) – один и тот же человек. В этом случае придется уточнять, в каком смысле «один и тот же» – явно не в физическом и моральном смысле, а также в отношении экономической, политической и т. п. ситуаций. Даже «по должности» это не один и тот же человек, так как Наполеон в этот период отрекался от престола, разве что он носил одну и ту же треуголку, что, видимо, побудило Гуссерля выбрать второй пример с треугольником. Этот пример, в котором мнимое тождество демонстрирует нейтральный и исчезающий смысл, более интересен для нас.

Разумеется, у равностороннего треугольника все стороны равны, а у равноугольного равны все стороны, но при этом невозможно сначала идентифицировать какой-то треугольник, у которого *затем* можно было бы обнаружить две разных характеристики, или два разные его значения – равноугольность и равносторонность. Этот мнимый «один и тот же предмет» по сути аналог локковского «никакого» треугольника – ни остро-, ни прямо-, ни тупоугольного, абстрагирование которого сам Гуссерль считал ошибочным. Другой аргумент Гуссерля в пользу различия значения и предмета состоит в том, что значение может быть тождественным, а предметы, к которым оно отнесено, разными: имя «лошадь» может относиться к разным лошадям – «Буцефалу» или к какой-нибудь кляче. Однако значение имени, если вообще имя может иметь значение, может и не относиться к какой-либо реальной лошади: Росинант и Пегас – это тоже лошади. Для имени «лошадь» безразлично, существуют ли вообще какие-либо лошади и существовали ли они когда-либо.

Вопрос в том, каким образом при проведении различий может сохраняться предпосылка тождества? Очевидно, что предпосылка «одного и того же треугольника» не является феноменологически реализуемой. Что же ведет к неявному принятию предпосылки тождества, причем не только в данном случае, но в гуссерлевском мышлении и творчестве в целом? Эта предпосылка явно основывается у Гуссерля на понимании логических структур и математических объектов как самотождественных:

¹⁶ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. М.: Академический проект, 2011. С. 48–49.

Так же как числа – в идеальном смысле, который предполагает арифметика, – не возникают и не исчезают вместе с актом счета, и так же как поэтому бесконечный числовой ряд представляет собой объективно устойчивую, регулируемую идеальной закономерностью, строго определенную в своих границах совокупность общих предметов, которую никто не может увеличить или уменьшить, так же обстоит дело и с идеальными, чистыми логическими единствами, понятиями, положениями, истинами, короче, с логическими значениями. Они образуют идеально замкнутую совокупность общих предметов, для которых быть мыслимыми или выраженными – случайные обстоятельства¹⁷.

Однако перенос тождества с идеальных объектов на реальные Гуссерлем не обосновывается, и «тождественный самому себе» Наполеон предстает как квазиматематический объект.

На первый взгляд, тождество – это изначальный опыт, основания которого выявить невозможно. Но это не так. Во-первых, установление тождества между предметами любого рода – это не опыт, но искусственная процедура, а реальный опыт подтверждает как раз правоту Лейбница – тождество листьев, а также деревьев, плодов, отпечатков пальцев и т. д. установить невозможно. Также невозможно произвести тождественные, но только равные, «такие же» предметы, и это различие между тождеством и равенством отмечал Гуссерль. Во-вторых, основной опыт, на котором основаны «Логические исследования», – это опыт различий. Однако различия, или различия, можно проводить и понимать *различным* образом. С одной стороны, у гуссерлевских различий (в отличие от сравнений, с которыми часто смешивают различия) между различенными нет общего, т. е. тождественного основания – между значением и предметом нет чего-то общего тому и другому. С другой стороны, это скорее разделения, причем абсолютные, а не различия, разделения, не позволяющие различенным быть поочередно или вне очереди на переднем и заднем планах. Если два языковые выражения с разными значениями относятся к одному и тому же предмету, то возникает вопрос о существовании этого «самого предмета» без какого-либо значения. Однако предмет не может не иметь значения и предназначения, пусть даже это безделушка, не говоря уже о геометрических фигурах и лошадях. С «одним и тем же треугольником (и с Наполеоном) получается именно так – оба вне значений, или оба не имеют смысла. (Да простят мне почитатели ярких фигур!)

Следует отметить, что здесь спор не о словах – если назвать значение функцией предмета, то с «функциями» дело обстоит точно так же: вряд ли можно отделить предмет от его функций – не от каких-либо функций, но от функций вообще, т. е. иметь дело с предметом как

¹⁷ Там же. С. 95–96.

таковым. Естественный язык отделяет предмет от функций (различая предмет и значение Гуссерль следует парадигме естественного языка), выделяя предназначение предмета и единство основных его функций, которое получает определенное имя, берущее на себя роль идентификатора предмета. Однако предмет как феномен, предмет в его явленности – это не некий предмет без функций и предназначения, наделяемый затем многообразными функциями-значениями, но предмет как многообразие значений. Отсюда не следует, что предметы исчезли, и остались одни функции. Предмет выделяется (теоретически или практически) как единство основных функций, получившее определенное имя, но не существует изначально как таковой. Таким образом, не разделение предмета и значения (функции), но различие, которое предполагает смену переднего плана и фона, есть основа смыслообразования в позитивном или негативном, но не в нейтральном ключе.

Заключение

Смысл и значение, так же, как и время – вполне уважаемые и необходимые слова в обыденной и научной жизни, но в качестве философских терминов, по крайней мере в феноменологической философии, они не обрели оправданного статуса и вряд ли обретут его. В стремлении к «самим вещам» «значение» и «смысл» теряют как позитивный, так и негативный модус и приобретают нейтральный статус по отношению к существованию или несуществованию предметности и мира реальности, как бы ее ни понимать. В свою очередь, предмет полагается нейтральным в отношении его существования и несуществования. Такими двумя основными моментами феноменологического скептицизма – позиции, которая соединяет в себе теоретико-познавательный принцип равнозначности данностей как данностей с попыткой осуществления особого опыта отказа от вовлеченности в любой вид конкретного опыта. Поиски абсолютного основания «строгой науки» приводят к установке абсолютной «осмотрительности», к скептицизму как нейтрализации позитивного и негативного. Абсолютная обоснованность совпадает с абсолютным скептицизмом; она не может быть почерпнута из предметностей мира или из психической жизни, она предполагает постулат абсолютного тождества бытия и ничто, утверждения и отрицания. Самотождественность смысла и самотождественность предмета, т. е. их самодостаточность остается безразличной к своим модификациям и применениям. Как тождество, так и абсолютный скепсис не могут быть реализованы в опыте. Однако тождество скепсиса и тождества в качестве постулируемого абсолютного основания может трансформировать и деформировать опыт, полагая самодостаточное целое трансцендентальной субъективности абсолютно равнодушным по отношению к его конституируемым частям.

Благодарности

Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00842 А «Формирование и трансформация концепций в феноменологической философии. История терминов и дискуссий».

Acknowledgements

The research was conducted with funding from RFBR, grant project 20-011-00842 A “Formation and Transformation of concepts in Phenomenological Philosophy. History of Terms and Discussions”.

Источники

- Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II. Ч. 1 / Пер. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2011. 565 с.
- Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: REFL-book, 1994. 350 с.
- Heidegger M.* Schelling: Vom Wesen der menschlichen Freiheit (1809) GA Bd. 42. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1988. 289 S.
- Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. 476 S.
- Husserl E.* Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil. Husserliana Bd. VII. Haag: Martinus Nijhoff, 1956. 450 S.
- Husserl E.* Logische Untersuchungen. Bd. II. T. 2. Husserliana Bd. XIX (2). The Hague; Boston; Lancaster: Martinus Nijhoff, 1984. 958 S.

Литература

- Белуосов 2019 – *Белуосов М.А.* Опыт мира как событие у Гуссерля и Хайдеггера // Ежегодник по феноменологической философии. Вып. 5. М.: РГГУ, 2019. С. 11–56.
- Молчанов 2022 – *Молчанов В.И.* Предпосылки «эпохе» и нейтрализация опыта. Термины и проблемы // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 146–157.
- Савин 2013 – *Савин А.Э.* О понятиях эпохе и редукции в «Идеях I» Эдмунда Гуссерля // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2013. № 2 (115). С. 19–32.
- Чернавин 2020 – *Чернавин Г.И.* «Редукция, если она есть»: феноменологическая фантастика Якова Друскина // Вестник Русской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 1. С. 73–82.
- Ямпольская 2017 – *Ямпольская А.В.* Феноменологическая редукция как прием // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 195–205.
- Kern 1962 – *Kern I.* Die drei Wege zur transzendental-phaenomenologischen Reduktion in der Philosophie Edmund Husserls (1962) // Tijdschrift voor Filosofie, Katholieke Universiteit-Leuven, 24ste Jaarg., Nr. 2 (JUNI 1962). P. 303–349.

References

- Belousov, M.A. (2019), "The experience of the world as an event in Husserl and Heidegger", *Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii*, RGGU, Moscow, Russia, vol. 5, pp. 11-56.
- Chernavin, G.I. (2020), "'If there is such a thing as reduction': Jakob Druskin's phenomenology-fiction", *Vestnik Russkoi gumanitarnoi akademii*, vol. 21, no. 1, pp. 73-82.
- Kern, I. (1962), "Die drei Wege zur transzendental-phaenomenologischen Reduktion in der Philosophie Edmund Husserls (1962)", *Tijdschrift voor Filosofie*, Katholieke Universiteit-Leuven, 24ste Jaarg., no. 2 (Juni), pp. 303-349.
- Molchanov, V.I. (2022), "Presuppositions of the 'epoche' and the neutralization of experience. Terms and issues", *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 146-157.
- Savin, A.E. (2013), "The Notions 'Epoche' and 'Reduction' in Edmund Husserl's 'Ideas I'", *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*, no. 2, pp. 19-32.
- Yampolskaya, A.V. (2017), "Phenomenological reduction as an artistic device", *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 195-205.

Информация об авторе

Виктор И. Молчанов, доктор философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; victor.molchanov@gmail.com

Information about the author

Viktor I. Molchanov, Dr. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; victor.molchanov@gmail.com